

УДК 930/8295
ББК 63.3

В.С. Брачев

«ДЕЛО» АКАДЕМИКА А.И. СОБОЛЕВСКОГО: ИЗ ИСТОРИИ САМОУПРАВЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В работе показана борьба либеральной профессуры Университета в 1908–1909 гг. за сохранение органа студенческого самоуправления – Совета старост. Выявлено своеобразие взглядов академика А.И. Соболевского на эту проблему.

Ключевые слова:

администрация, академик А.И. Соболевский, власть, клевета, либеральная профессура, обвинение, ограбление, поверенный, присяжный, процесс, самоуправление, Санкт-Петербургский Университет, Совет факультетских старост, студенческое движение, экспроприация

Несмотря на определенные успехи в изучении истории студенческого движения в Санкт-Петербургском Университете начала XX века¹, приходится все же признать, что целый ряд сюжетов, относящихся к этому периоду, казавшихся в советское время неудобными для научного исследования, все еще остаются вне поля зрения историков и по сей день. Собственно, разработке одного из них – истории ограбления неизвестными университетской кассы 3 апреля 1907 г. и тесно с ней связанному делу по обвинению правлением Санкт-Петербургского Университета академика А.И. Соболевского (1856–1929) в клевете, и посвящена данная работа.

*Академик А.И. Соболевский
(1856–1929)*

4 апреля 1907 г. петербургские газеты преподнесли своим читателям громкую сенсацию: накануне, 3 апреля, среди бела дня на глазах ректора, профессоров, студентов и вольнослушателей, как впрочем и посторонней публики, небольшой кучкой хулиганов было совершено дерзкое ограбление кассы императорского Санкт-Петербургского Университета – событие, как единодушно отмечали журналисты, небывалое в анналах его истории². Сообщались и подробности произошедшего.

Около двух часов дня, читаем мы в газете «Русь», к Университету со стороны набережной подъехало шесть «лихачей», из них высадились молодые люди лет 16 – 18 в «штатском платье», по виду рабочие. Общее число их, по сообщению как «Руси» так и других газет, составляло от 10 до 15 человек. Согласно же

официальным данным из донесения о случившемся ректора Университета, профессора И.И. Боргмана министру народного просвещения от 5 апреля 1907 г., их было всего 6–7 человек³. Отпустив извозчиков, они через так называемый профессорский подъезд с набережной Невы беспрепятственно прошли в университетское здание и направились к канцелярии Университета⁴. Располагалась она на первом этаже Главного Здания, то есть примерно там же, где ныне располагается университетский отдел кадров. Легкость, с какой посторонние лица проникли в Университет, не должна нас удивлять. После получения 27 августа 1905 г. автономии университетские двери были широко открыты для всех желающих сюда попасть, вследствие чего, наряду со студентами в университетских коридорах всегда толкалось много посторонней публики. «Посетителей, – отмечала в связи с этим другая газета «Санкт-Петербургский листок», – не стесняют, желающие могут даже не снимать шапок и фуражек»⁵.

Дойдя до дверей канцелярии, часть молодых людей расположилась на стоящих вдоль стен скамьях, в то время, как другая – мерно прохаживалась по коридору. Дело в том, что рядом с канцелярией располагались помещения, возле которых в это время как раз и собиралось обычно много посетителей: приемная и кабинет ректора, помещение Совета старост, профессорские комнаты и, наконец, университетская касса. Она-то собственно и была целью молодых людей.

Несмотря на то, что в коридоре, по некоторым (скорее всего завышенным) оценкам к двум часам дня собралось до 40 человек⁶, вахтер Университета сразу же профессионально вычислил чужаков, и так как они показались ему подозрительными, доложил о них ректору И.И. Боргману и второму секретарю Совета студенческих старост И.И. Корелю. «Странные посетители, – заявил он. – Я уже приказал «вешалки» беречь.

Они говорят: старост ждут». Однако вышедшим к ним сначала Корелю, а затем и первому секретарю Совета старост Михайловскому ими было заявлено, что на самом деле они ждут не старост, а своих товарищей студентов.

Мы, конечно, не знаем о плане действий экспроприаторов, но несомненно, что оказавшись в центре внимания присутствующих, они занервничали и были вынуждены несколько поторопиться с проведением намеченной операции. Сигналом к ее началу послужил внезапно раздавшийся свист некоего субъекта с «наглым выражением лица», скорее всего вожака этой шайки. Услышав его, ее члены, выхватив из карманов своих пиджаков револьверы и наставив их на студентов и служащих, громко потребовали от них поднять руки, те безропотно подчинились.

Информация петербургских газет об экспроприации существенно дополняется и корректируется официальным донесением о случившемся ректора Университета проф. И.И. Боргмана министру народного просвещения от 5 апреля 1907 г.⁷, о чем уже шла речь.

«3 апреля, несколько позже двух часов дня, – после прекращения приема студентов, – читаем мы здесь, – я занимался разбором вновь поступивших бумаг. В это время ко мне в кабинет вошел секретарь Совета П.М. Кривошеин и обратил мое внимание на присутствие перед канцелярией Правления подозрительных лиц в числе 6–7 человек». Большого значения этому сообщению ректор, впрочем, не придавал, распорядившись послать вахтера справиться о том, что привело этих лиц в Университет. Как отвечали на этот вопрос экспроприаторы, мы уже знаем. Дальнейшие переговоры с ними были прерваны, как уже отмечалось, резким свистом главаря шайки, после чего до слуха ректора донесся гул голосов и сильное смятение в коридоре. В два часа десять минут дверь его кабинета распахнулась и с криком: «В Университете экспроприация!» в него вбежал запыхавшийся П.М. Кривошеин, а вслед за ним и секретарь по студенческим делам В.И. Моисеев. Взволнованный П.М. Кривошеин, сообщив ректору о случившемся, попытался было выйти в коридор, но был остановлен одним из грабителей, который наведя на него револьвер, скомандовал: «Долой, прочь!». П.М. Кривошеин вынужден был вернуться обратно в кабинет ректора, успев, однако, заметить несколько человек из служащих Университета, стоявших в коридоре с поднятыми руками.

Посоветовавшись, все трое, то есть И.И. Боргман, П.М. Кривошеин и В.И. Моисеев, решили перейти из ректорского кабинета в одну из профессорских комнат. Оказавшись здесь, И.И. Боргман хотел, по его словам, «разбить стекло, чтобы дать знать постовому городовому, но увидел из окна, что тот стремительно бежал в Историко-филологический институт, чтобы сообщить по телефону в участок о происходившем в Университете»⁸. Очевидно, что пассаж с городовым, бегущим, чтобы позвонить в полицию, понадобился ректору для того, чтобы оправдать собственную бездеятельность, так как находясь в профессорской рядом с телефоном, он и сам имел

к тому полную возможность, но не сделал это, оправдываясь тем, что у дверей профессорской (правда, снаружи, в коридоре) стоял вооруженный грабитель. Впрочем, по словам И.И. Боргмана, он все же пытался сделать это, то есть позвонить в полицию, но был удержан от этого шага П.М. Кривошеиным, указавшим ему на опасность⁹.

А между тем в коридоре перед канцелярией Университета происходило следующее. Убедившись в том, что служащие и студенты подчинились их требованию и подняли руки, грабители тут же выставили свои посты у дверей всех помещений, выходящих в коридор, которые оказались таким образом заблокированными. Тем временем, другая их часть (3 человека) вошли в комнату, где находился артельщик П.Д. Суранов, перескочив через конторку, за которой тот принимал плату от студентов, и наведя на него револьвер, тут же выгребли всю находившуюся здесь наличность – 1730 рублей. Попытались они проникнуть и в самую казначейскую, разбив при помощи револьвера первую стеклянную дверь в нее. Однако вторая – стальная оказалась закрытой изнутри, спрятавшимся там кассиром Федором Воробьевым. Проникнуть в нее у грабителей не было возможности и хранившиеся там, по официальным данным, от 5 до 6 тысяч рублей¹⁰ (сообщения газет о 60 тысячах¹¹, скорее всего не соответствует действительности) были спасены. Он же, Федор Воробьев, оказал Университету еще одну неоценимую услугу: догадался нажать тревожную кнопку электрического «сигнального колокола», незадолго до этого здесь установленного. Тревожный сигнал его если и не потряс экспроприаторов, то заставил их изрядно понервничать, тем более что попытка прекратить его успехом не увенчалась. Порванные одним из грабителей электрические провода оказались не те: «сигнальный колокол» по-прежнему продолжал звонить, привлекая всеобщее внимание.

Это, по видимому, и подтолкнуло экспроприаторов свернуть операцию и спешно двинуться к выходу. Продолжалась она от 15 до 20 минут. Часть грабителей направилась во двор и, пройдя его, исчезла в Тучковом переулке. Другая – через профессорский подъезд вышла на набережную Большой Невы и, обогнув здание по Университетской (ныне Менделеевской) линии, направилась в сторону Тучкова моста. Никаких попыток к задержанию грабителей предпринято не было.

Только после того, как грабители покинули Университет И.И. Боргман воспользовался, наконец, телефоном и известил о случившемся министра народного просвещения, петербургского градоначальника и полицию. Минут через 15 в Университет прибыли: судебный пристав Василеостровской части, его помощник и целый отряд вооруженных городовых, в чем уже не было никакой необходимости. Чуть позже сюда же явились полицеймейстер, начальник сысского отделения, судебный следователь и представитель прокурорского надзора¹².

На следующий день после ограбления в столовой Университета было вывешено объявление с призывом к товарищам-студентам не давать никаких показаний судебному следователю, так как экспроприированные

средства пойдут на дело революции. Объявление висело в столовой почти весь день¹³.

Так как очевидцев нападения на Университет было много, то и толков о случившемся тоже было много. Указывалось, в частности на то, что в то время, как большинство студентов стояли с поднятыми руками, некоторые из них, как ни в чем не бывало, расхаживали по коридору с папиросками в зубах, как «свои»¹⁴. Мысль о возможной причастности некоторых студентов или вольнослушателей к экспроприации витала, можно сказать, в воздухе¹⁵. Много разговоров вызвало и опубликованное в газете «Русь» заявление канцелярского служащего Университета Олунина, что он якобы узнал среди грабителей троих молодых людей, обедавших ранее в студенческой столовой. Отмечались дерзость грабителей и знание ими расположение университетских помещений, в связи с чем высказывали предположения, что они, возможно, бывали в Университете и раньше¹⁶.

Несмотря на понятный резонанс в обществе, ничего необычного в случившемся в Петербургском Университете 3 апреля 1907 г., на самом деле, не было. Такое уж было время. Незадолго до этого 22 февраля 1907 г. точно такому же нападению подвергся Московский Университет. В результате был убит околоточный надзиратель, а университетская казна не досчиталась 18 тысяч рублей, а еще раньше, 20 декабря 1906 г. было совершено нападение на Казанский Университет. Итог: двое убитых. Уже через полгода после ограбления Санкт-Петербургского Университета, 20 октября 1907 г., была предпринята попытка нападения на кассу Томского Университета¹⁷. И везде учиненное властями следствие ни к чему не привело. Не стало в этом отношении исключением и дело об ограблении Санкт-Петербургского Университета.

Понять это можно. Погибших в результате ограбления университетской кассы не было. Сумма нанесенного ущерба оказалась незначительной. Да и университетское начальство в лице ректора И.И. Боргмана и первого проректора Ф.А. Брауна меньше всего было заинтересованно в том, чтобы выносить сор из избы, ведь за внутренний порядок в автономном с 27 августа 1905 г. Университете отвечало именно оно. Слишком долго боролась либеральная профессура за автономию, чтобы легко признать фактическое хозяйничанье в Университете «левых» партий и дать, тем самым, лишний повод для нападок со стороны «правых». Версия о том, что случившееся есть результат нападения на Университет неизвестных хулиганов (на самом деле это была группа анархистов¹⁸) вполне устраивала и власть, и либеральную оппозицию. Не удивительно поэтому, что о самом ограблении университетской кассы они старались без особой нужды не упоминать. Во всяком случае в университетском отчете за 1907 г. о ней не было сказано ни слова.

Однако похоронить эту неприятную историю университетскому начальству все же не удалось. Резкое обострение университетского вопроса в сентябре–октябре 1908 г. привело к тому, что вопреки их желанию, она опять оказалась в центре общественного внимания, причем инициативу в

этом плане совершенно неожиданно взял на себя академик А.И. Соболевский, до этого бывший профессором Университета и знавший проблему, как говорить, «изнутри».

Родился Алексей Иванович 26 декабря 1856 г. в Москве в семье чиновника из дворян. После окончания в 1878 г. Историко-Филологического факультета Московского Университета подготовил магистерскую диссертацию «Исследования в области русской грамматики». После успешной ее защиты 13 сентября был утвержден 18 сентября 1882 г. Советом Московского Университета в ученой степени магистра русского языка¹⁹. Это позволило ему получить в Киевском Университете Св. Владимира сначала (с 15 октября 1882 г.) доцентуру, а затем, уже после защиты им 20 апреля 1884 г. (утвержден 6 июня) в Харьковском Университете докторской диссертации «Очерки из истории русского языка», и профессуру (с 22 августа 1884 г.) по кафедре русского языка и словесности, подвизаясь здесь сначала в качестве экстраординарного, а затем (утвержден 10 февраля 1886 г.) уже и ординарного профессора²⁰.

Новаторский характер «Очерков», появление которых привело к формированию новой отрасли филологической науки – восточно-славянской диалектологии сразу же поставил А.И. Соболевского в ряд наиболее крупных русских ученых того времени. Не удивительно, что когда после ухода в 1886 г. из Петербургского Университета академика Ватрослава Ягича (1838–1923), кафедра русского языка и словесности стала вакантной²¹, здесь остановились в конце концов именно на его кандидатуре. В результате с 1 июля 1888 г. А.И. Соболевский перешел, или правильнее был переведен, в Санкт-Петербургский Университет²².

Научное наследие ученого огромно (свыше 400 работ)²³. Наиболее значительными среди них являются его «Очерки русской диалектологии» (1892) – фундаментальное описание русского, белорусского и украинского языков и «Лекции по истории русского языка» (1888) – первое, не имеющее себе равных, синтаксическое описание фонетической и морфологической системы русского языка XI–XVII вв. Широкую известность получили и опубликованные им «Великорусские народные песни» в семи томах (1895–1902). Активен, как исследователь, оставался А.И. Соболевский и после 1917 г.²⁴ Выдающиеся научные достижения А.И. Соболевского были высоко оценены его коллегами²⁵. Еще 4 декабря 1893 г. он был избран членом-корреспондентом, а 7 октября 1900 г. действительным членом Академии Наук по отделению русского языка и словесности. Утверждение этого избрания в форме высочайшего приказа по гражданскому ведомству последовало 22 января 1901 г.

Уже в первых своих работах А.И. Соболевский пришел к выводу о ближайшем родстве древне-киевского наречия с новгородским. Что касается малороссов, первоначальным ареалом обитания которых он считал Прикарпатье, то их расселение на территории Поднепровья относится, доказывал ученый, к более позднему периоду. Нечего много и говорить, как встретили эту теорию тогдашние российские украинофилы. Собственно в

борьбе с ними и определилось национально-консервативное в целом мировоззрение А.И. Соболевского.

Патриотические взгляды ученого²⁶ привели его, в конце концов, в Союз русского народа – массовую организацию право-монархического толка, возникшую в ноябрьские дни 1905 г. для противодействия революции. Здесь он занял должность товарища его председателя А.И. Дубровина.

Принадлежность к Союзу русского народа сразу же поставила А.И. Соболевского в совершенно особое положение среди профессуры Санкт-Петербургского Университета, большая часть которой принадлежала после 1905 г. к так называемой «либеральной партии». «Достаточно профессору объявить себя «правым», как кагал не замедлит изгнать его из Университета. Вооружившись удушливым химическим составом, пронзительными сиренами и другими орудиями, студенты по пятам преследуют профессора и не дадут прочесть ни одной лекции до тех пор, пока он не объявит себя единомышленником студенчества или сам не уйдет из Университета», – с возмущением писала «Земщина»²⁷. А.И. Соболевский предпочел уйти сам. Случилось это 2 апреля 1908 г. согласно личному прошению А.И. Соболевского. Высочайший приказ о его увольнении по гражданскому ведомству датирован 30 мая 1908 г. То, что А.И. Соболевского выжили из Университета – очевидно. Ведь всего лишь 8 месяцев назад предложением товарища министра народного просвещения 8 ноября 1907 г. он был оставлен на службе при Университете еще на 5 лет, считая с 15 октября 1907 г. 6 мая 1908 г. последовало утверждение А.И. Соболевского в звании заслуженного профессора по выслуге 25 лет в преподавательской должности с 15 октября 1907 г.²⁸

Оказавшись в одночасье вне университетских стен (на его место был приглашен академик А.А. Шахматов²⁹) А.И. Соболевский продолжал в то же время следить за тем, что происходило в высшей школе, когда после нескольких лет вакханалии в русских университетах (стоит напомнить, что в связи с волнениями студентов в 1905–1906 учебном году по решению властей Санкт-Петербургский Университет был официально закрыт) правительство П.А. Столыпина решило, наконец, что пришла пора приняться за наведение порядка и здесь. Проводником нового курса в университетском вопросе стал новый министр народного просвещения А.Н. Шварц, назначенный на эту должность в начале 1908 г. Начал он с требования ликвидации непредусмотренных никакими правилами появившегося в университетах за годы революции института так называемых «вольнотрушательниц». Весьма жестко поставил А.Н. Шварц и вопрос о необходимости соблюдения процентной нормы для евреев, которая в это время практически не соблюдалась³⁰. Напомнил он и о недопустимости существования хотя бы и с разрешения университетских Советов, но непредусмотренного Правилами 11 июня 1907 г. выборного студенческого органа – Совета факультетских старост – организатора разного рода сходок и антиправительственных демонстраций³¹.

Особым пиететом по отношению к студенческим старостам отличался Совет профессоров Санкт-Петербургского Университета, утвердивший 8

октября 1907 г. специальное «Положение» о них и, таким образом, фактически легализовавший этот институт в университетских стенах. Предложение же министра от 21 февраля 1908 г. об упразднении института студенческих старост было встречено здесь с негодованием и в своем представлении на его имя от 3 марта 1908 г. университетские власти отстаивали «закономерность» и даже «полезность» его для обеспечения правильного хода университетских занятий³².

Нечего и говорить, как отнеслось революционное студенчество к новому курсу А.Н. Шварца в университетском вопросе. Недовольна была и либеральная профессура в связи с инициативой министра о взятии подписок с преподавателей о их непринадлежности к антиправительственным партиям и организациям, к числу которых была отнесена и партия народной свободы (кадеты). Поползли слухи, что по распоряжению попечителя Санкт-петербургского учебного округа уже взята подписка с профессора юридического факультета Университета Л.И. Петражицкого о его выходе из кадетской партии. Эта же мера якобы должна была быть применена и в отношении ректора Санкт-Петербургского Университета проф. И.И. Боргмана, проректора Ф.А. Брауна, декана юридического факультета проф. Д.Д. Гримма и других профессоров-кадетов³³.

Настоящим вызовом А.Н. Шварцу стало постановление Совета профессоров Санкт-Петербургского Университета 3 сентября 1908 г. о том, что в условиях систематического стеснения министерством прав и свобод, дарованных университетам царским указом от 27 августа 1905 г., он (Совет) «не может нести ответственности за правильный ход учебной жизни»³⁴. Особое беспокойство университетских властей, как это видно из текста постановления Совета профессоров, вызывали циркуляры А.Н. Шварца от 26 мая и 25 июля 1908 г. Первый, по их мнению, «стеснял свободу студенческих собраний во вне учебное время», второй – «окончательно упразднил институт факультетских старост». «Петербургские профессора, – отмечало в связи с этим «Новое время», – как ярые поклонники автономии все делали для того, чтобы угодить ей, зная, что за это им обещано моральное влияние на студентов»³⁵.

Постановление Совета Санкт-Петербургского Университета сопровождалось заявлением об отставке выборного ректора И.И. Боргмана, исполнение обязанностей которого было возложено на В.М. Шимкевича³⁶, проректора Ф.А. Брауна и о якобы предстоящей коллективной отставке всех факультетских деканов³⁷.

Понятное дело, что все это отнюдь не способствовало успокоению волновавшегося студенчества, хотя вопреки очевидному Ф.А. Браун уверял читателей кадетской «Речи» в обратном³⁸.

Кончилось все, как того и следовало ожидать, постановлением общегуниверситетской студенческой сходки 20 сентября 1908 г. о забастовке³⁹. Вынужден был объявить вследствие этого о временном приостановлении занятий и Совет Санкт-Петербургского Университета⁴⁰.

Стоит отметить, что волновался в сентябре–октябре 1908 г. не один только Санкт-Петербургский Университет. Такого же рода события в защиту

университетских свобод от посягательств на них со стороны министерства народного просвещения происходили и в других высших учебных заведениях. И что характерно: как и в Санкт-Петербурге, роль либеральной профессуры, в руках которой фактически и находились после 27 августа 1905 г. русские университеты, была весьма двусмысленной. Формально призывая студентов к прекращению волнений, она в тоже время своими демаршами против политики А.Н. Шварца только поощряла их.

Характерна в этом плане статья московского профессора-юриста, члена партии мирного обновления Е.Н. Трубецкого (1863 – 1920), целиком и полностью направленная против министра А.Н. Шварца⁴¹.

Важное место в статье Е.Н. Трубецкого было отведено, в частности, постановлению Совета Санкт-Петербургского Университета от 3 сентября 1908 г., о чем уже шла речь.

«Стоит вспомнить, – пишет здесь Е.Н. Трубецкой, – насколько дорога всем университетам их автономия, чтобы понять, что это постановление представляет собой акт отчаяния. И в самом деле: Петербургский Университет очутился в безвыходном положении, он считал институт факультетских старост необходимым условием правильного течения академической жизни и не мог усмотреть в нем какого-либо противоречия с законом и действующими правилами для студентов. Узаконяя этот институт, Совет действовал согласно точному смыслу правил 27 августа 1905 г.»

Общий вывод, к которому приходит Е.Н. Трубецкой следующий: «ясно, что при этих условиях заявленный Советом отказ от осуществления автономии представляется единственным выходом». Недвусмысленно поддержав, таким образом, своих петербургских коллег, не удержался князь и от того, чтобы не намекнуть на возможность распространения их «опыта» и на другие учебные заведения. Более того, если наметившаяся политика министерства будет продолжена, – угрожающе заявил Е.Н. Трубецкой, – то «в этом случае обстоятельства могут заставить ее (т.е. российскую профессуру – Б.В.) пойти дальше, чем зашли петербургские профессора. Бюрократический способ управления Университетом делает невозможным не только ректорские, но и какие бы то ни было выборы: участие в нем профессорской коллегии вообще не уместно». Правительство, заканчивает свою статью Е.Н. Трубецкой, признало ошибки прежнего министра народного просвещения П.А. Кауфмана, отправив его в отставку. Почему бы ему не признать и ошибки министра нынешнего?⁴²

Но если либералы требовали скорейшей отставки А.Н. Шварца, то «правые», напротив, оказывали ему всяческую поддержку, находя его действия очень даже правильными и своевременными. «Наша фракция, – заявил, в частности, В.М. Пуришкевич от имени «правых» думцев, – всецело на стороне министра А.Н. Шварца и принимает его под свою защиту»⁴³.

А.И. Соболевский тоже был «правым», причем далеко не рядовым, и публикация им 18 сентября 1908 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях» большой статьи «О наших университетских делах»⁴⁴, в которой он вступил в прямую полемику с Е.Н. Трубецким, не должна нас удивлять.

Так возмущившие либеральную профессуру циркуляры и распоряжения министра А.Н. Шварца, – доказывал А.И. Соболевский, – находятся в полном соответствии, как с Правилам 27 августа 1905 г., предоставившими автономии университетам, так и с последующими узаконениями правительства в университетском вопросе и, что особенно важно, предшествующим им университетским Уставом 1884 г., который, – напоминал А.И. Соболевский, – никто не отменял. Попытки же князя-юриста доказать обратное не более, чем «словесная эквилибристика», задача которой возбудить против неугодного либералам министра широкое общественное мнение.

Для нас в данном случае интерес представляет не столько сама полемика двух ученых, один из которых – юрист, а другой – филолог, сколько нарисованная А.И. Соболевским в его статье неприглядная картина «автономной» университетской жизни и его резкие выпады как против института студенческих старост, так и против руководства Университета, что собственно и спровоцировало в дальнейшем дело по обвинению его в клевете.

«Когда, – пишет здесь А.И. Соболевский, – с достижением автономии Совет Санкт-Петербургского Университета упразднил всю инспекцию от старших до последних чинов и оставил все залы, аудитории и коридоры в распоряжении студентов, в стенах Университета водворилась и публичная жизнь, и карманные воры, и сыщики. Кражи верхнего платья с вешалок, книг и шапок со столов, кошельков из карманов студентов – сделались явлением вполне обычным. Курение папирос, шум и крик – стали происходить во всех коридорах, у самых дверей тех аудиторий, где читались лекции – конечно, страшно мешая и читать, и слушать лекции. Двери в аудитории во время лекции стали беспрепятственно отворяться и приоткрываться; любопытные поодиночке и кучками стали входить в аудитории и, послушав профессора несколько минут, уходить».

Особое возмущение А.И. Соболевского вызвали реверансы Е.Н. Трубецкого в адрес института студенческих старост, как необходимого, якобы, элемента университетской жизни. Это имело бы, по его мнению, определенный смысл, если бы практика университетской жизни в Петербурге дала хоть какие-нибудь указания нужности студенческих или факультетских старост. «Нам, – заявил здесь А.И. Соболевский, – пришлось быть участником жизни Петербургского Университета при институте старост, и, увы! Мы должны сказать, что этот период в истории Университета не может быть отнесен к числу блестящих и счастливых». И напомнил читателям «Санкт-Петербургских ведомостей» уже известную нам историю с экспроприацией 3 апреля 1907 г. Если бы не вовремя поставленная стальная перегородка в университетской кассе, грабеж был бы очень чувствителен для Университета, – подчеркнул А.И. Соболевский. «Студенческая молва, – пишет он далее, – немедленно приписала ограбление старостам. Судя по тому, что университетские власти поспешили замять дело о грабеже, оно так и кануло в вечность. Можно сказать, что они считали несомненной причастность к нему старост и постарались

прикрыть полезный для правильного хода университетской жизни институт». «Мы, – заявил в заключении статьи А.И. Соболевский, – можем только приветствовать труды А.Н. Шварца на пользу русских университетов. Пора вырвать их из рук бессовестных людей, которые, прикрываясь какими-то принципами, стараются превратить наши храмы науки в вертепы разбойничьи. Пора кончать с той свободой, при которой университеты сделались ареной дневных грабежей и местом пребывания разбойничьих шаек»⁴⁵.

Реакция университетских властей на статью А.И. Соболевского не заставила себя долго ждать. Уже 20 сентября 1908 г. Совет профессоров Санкт-Петербургского Университета под руководством проректора Ф.А. Брауна, обменявшись мнениями по этому вопросу, поручил правлению Университета «привлечь академика Соболевского к судебной ответственности за клевету».⁴⁶

Вряд ли А.И. Соболевский ожидал такого поворота событий. «Правление и Совет Санкт-Петербургского Университета, – заявил он в ответ на это известие в своей новой статье «Еще об университетских делах», – как узнали мы из газет, обратил внимание на нашу статью в № 211 «Санкт-Петербургских ведомостей», рассмотрел ее и нашел в ней преувеличения и клевету. О клевете (!) мы поговорим в другой раз, когда будет подосужнее; а о преувеличениях считаем необходимым сказать несколько слов теперь.

В чем преувеличения нашей статьи?

– В нашем указании, что Петербургский Университет посещался проститутками? Но ведь ходит упорный слух, что между принятыми в Университет в последние годы вольнослушательницами были заведомые проститутки, имевшие «желтые билеты»<...> Или в указании, что в Петербургском Университете обилие агентов?

– Но ходит слух, что не только между студентами (на них уже махнули рукой) много агентов (охранки – Б.В.), но есть агенты даже между младшими преподавателями. Говорят, что университетские залы и коридоры – место, где проводится формальная охота агентов охранного отделения на студентов и не студентов – революционеров.

Или в указании на воровство?

– Но сам ректор И.И. Боргман в одном из заседаний Совета прошлой зимой признал наличность воровства в Университете. Добавим, что год назад у одного приват-доцента с профессорского подъезда был украден велосипед, а прошлой весной в минералогическом кабинете были украдены два пальто.

Может быть, в указании на курение?

– Но уже давно стоит в воздухе стон и вопль студентов, слабых здоровьем и некурящих. Они жалуются на то, что в огромном университетском коридоре, заменяющем залу, во время наибольшего скопления студентов и служащих в Университете, стоит такой туман от табачного дыма, что служители даже в морозы открывают окна, чтобы было возможно дышать. <...> К нам, – пишет он далее, – теперь часто обращаются с вопросом из-за

чего поднят шум в Петербургском и других университетах? Неужели из-за вольнослушательниц? Неужели из-за старост?

Отвечаем .

– Конечно же, дело не в вольнослушательницах. Допущение их в большом числе нанесло бы удар наличным женским университетам – Высшим курсам, существование которых для университетских профессоров важно в разных отношениях.

Конечно же, дело и не в старостах. Ректора и вообще университетские власти были бы очень обрадованны, если бы узнали, что в один прекрасный день, старосты провалились сквозь землю – старосты такие грубые и нахальные начальники.

Все дело в том, что министерство восстановило обязательные процентную норму для студентов-евреев во всех высших учебных заведениях. Этого не могут вынести наши господа евреи и делают по принадлежности соответствующие распоряжения»⁴⁷.

После решения Совета профессоров Санкт-Петербургского Университета 20 сентября 1908 г. и реакции на него А.И. Соболевского стало ясно, что делу этому суждено выйти на арену широкой общественной борьбы между либеральной общественностью, все симпатии которой были на стороне университетской профессуры, и противостоящих ей консерваторов или черносотенцев, одним из маститых представителей которых, как мы уже знаем, и был академик А.И. Соболевский.

Характерна в этом отношении кадетская «Речь», уже 21 сентября 1908 г. посвятившая А.И. Соболевскому большую статью-фельетон под весьма примечательным названием: «Академик Пинкертон». «Я, впрочем, думаю, – отмечает здесь автор этого опуса Александр Яблоновский, – что в качестве представителя Черной Сотни, ненавидящего свободу во всех ее видах и не делающего никакой разницы между свободным Университетом и вертепом разбойников, – академик Соболевский занят только одной мыслью и охвачен только одним желанием: как бы забросать грязью, заплевать и затоптать те чахлые ростки академической свободы, которые и без его благородных усилий все еще влачат свое жалкое существование. Переполненный этим желанием академик поднимает с земли дреколье, приготовленное для университетов в подпольях «союзников» и не замечает даже, как вымазаны его руки от этой доблестной работы»⁴⁸.

Тем не менее, прошло более года, прежде чем дело А.И. Соболевского дошло до суда. Чем объясняется эта проволочка – не ясно. За это время академик успел опубликовать все в тех же «Санкт-Петербургских ведомостях» еще две статьи: «Два слова о студенческих организациях»⁴⁹ и «Женский Университет»⁵⁰, в которых он несколько уточнил свои взгляды на студенческие землячества в высших учебных заведениях и университетское образование для женщин.

Тем не менее, возмездие все же настигло А.И. Соболевского, и 2–3 декабря 1909 г. он действительно предстал перед Санкт-Петербургским окружным судом (первое отделение) по частному обвинению в клевете,

выдвинутому против него со стороны Правления Санкт-Петербургского Университета.

Процесс этот вызвал повышенный интерес у публики⁵¹. И дело тут не только в необычности самой ситуации, когда Университет судится с академиком, своим бывшим профессором. Гораздо существеннее здесь общественно-политическая сторона дела. Объявив в своей статье главной причиной разрухи в высшей школе университетскую автономию, А.И. Соболевский тем самым покусился в глазах либеральной профессуры, можно сказать, на «святое». Особую остроту этому делу придавало и то, что незадолго до этого закончился сенсационный процесс студентов-старост Горного института против черносотенца В.М. Пуришкевича. Как и А.И. Соболевский, он тоже обвинялся в клевете и вопреки ожиданиям либералов выиграл дело⁵². А еще несколькими месяцами раньше в феврале 1909 г. состоялся громкий процесс по делу одесских профессоров – бывшего ректора Новороссийского Университета Ивана Михайловича Занчевского и проректора Евгения Владимировича Васьковского, обвинявшихся в ненадлежащем исполнении своих прямых должностных обязанностей и отправке в Санкт-Петербург заведомо ложных сведений о реальном положении дел в вверенном им Университете. Все симпатии прогрессивной общественности всецело были на стороне профессоров, да и защищали их лучшие по тем временам ее силы: член Государственной Думы В.А. Маклаков, О.Я. Пергамент, профессор князь Е.Н. Трубецкой. Тем не менее, вскрытые в ходе следствия факты наглого хозяйничанья в лихолетье 1905–1907 гг. в Новороссийском Университете революционных элементов при прямом попустительстве университетских властей были столь вопиющи⁵³, что избежать обвинительного приговора им все же не удалось: Е.В. Васьковский был отрешен от должности, а И.М. Занчевский и вовсе исключен с государственной службы⁵⁴. Проиграть еще один процесс – такой роскоши петербургская либеральная общественность позволить себе едва ли могла.

Поверенным со стороны обвинения в предстоящем процессе наряду с М.Е. Феодосьевым согласился стать уже известный нам член Государственной Думы В.А. Маклаков. Что касается защиты А.И. Соболевского, то его выбор пал на такого же, как и он черносотенца, бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского Университета Б.В. Никольского. Идеологическая подоплека процесса была, таким образом, очевидна. Отсюда повышенный интерес к нему журналистского сообщества.

«Зала III отделения окружного суда, где обычно слушаются сенсационные дела, – сообщала читателям «Петербургская газета», – переполнена публикой, среди которой множество профессоров Университета, студентов и дам <...> Слушается дело академика А.И. Соболевского, обвиненного в клевете Правлением Санкт-Петербургского Университета. Сам А.И. Соболевский налицо, сидит рядом со своим защитником Б.В. Никольским. Против них – по левой стороне зала от публики – поместилось частное обвинение: ректор Университета г. Боргман (И.И.) и бывшие деканы проф. Браун (Ф.А.), Grimm (Д.Д.), Жуковский (В.А.), Зелинский (Ф.Ф.) и Шимкевич

(В.М.) с их поверенными членом Государственной Думы присяжным поверенным В.А. Маклаковым и присяжным-поверенным М.Е. Феодосьевым. Заседание суда по III отделению под председательством тов. председателя г. Ильина открывается 2 декабря в 12 часов дня»⁵⁵.

Как и водится в таких случаях рассмотрению дела по существу предшествовала формальная сторона процесса (оглашение жалобы, приведение к присяге свидетелей и т.п.), в ходе которой Б.В. Никольский заявил суду, что его подзащитный – один из крупнейших русских ученых, имя которого безусловно и обвинение его в клевете есть ничто иное, как вопиющий абсурд и уже само по себе «является клеветой». После этого он потребовал отвода большей части частных обвинителей, так как в статье академика Соболевского был упомянут один только ректор, а про остальных сказано безлично – «университетские власти». Но требование это после возражения со стороны В.А. Маклакова было отвергнуто судом.

Первым среди приглашенных в зал свидетелей (всего 17 человек) предстал перед судом профессор И.М. Гревс. «Я, – заявил он, – был поражен подозрением будто бы старосты имели отношение к этому делу, а Правление Университета потом это дело замяло. Я не понимаю, как академик Соболевский решился напечатать статью, носящую столь явные признаки клеветы». Сам он – И.М. Гревс – склонен объяснить это «сильной злобой» академика на университетское начальство, во всяком случае о добросовестном заблуждении, по мнению И.М. Гревса, здесь не может быть и речи⁵⁶.

В заданном показаниями И.М. Гревса ключе были выдержаны и показания его коллег-профессоров: М.О. Пергамент, П.М. Кривошеина, ректора Университета И.И. Боргмана, а также бывших студенческих старост Кореля и Михайловского. Грабители, показал в частности Михайловский, были – «типичные босяки, одетые несмотря на холодную погоду в летние пиджаки поверх красных блуз, все они были лет 16–17»⁵⁷ и никакого отношения к ним студенческие старосты, по его словам, не имели и иметь не могли. На вопрос же Б.В. Никольского о партийном составе Совета старост Михайловский ответил: «Выборы были индивидуальные, большинство (из 35 – Б.В.) старост принадлежало к «левому» толку, но были и умеренного толка <...> именно толка, а не партий»⁵⁸.

– А Вы к какой партии принадлежите? – полюбопытствовал Б.В. Никольский

– Не к партии, а как староста к толку социал-демократов»⁵⁹, – парировал тот.

Такого же характера были и показания других свидетелей, вызванных в суд по инициативе обвиняющей стороны: артельщика Суранова, бухгалтера Никитина, его помощников Тауша, Шувалова и Фокина, а также вахтера Волоцкого. Все они к этому времени уже не работали в Университете.

– Меня, – заявил в частности Суранов, – схватили за плечи, приставили дуло револьвера ко лбу и потребовали ключи, грозя пристрелить, как собаку.

– Вы не сопротивлялись? – спрашивает Суранова председатель суда.

- Помилуйте, я был чуть жив от неожиданности и страха.
- И никто не пришел к Вам на помощь?
- Никто. Выволокли меня в коридор, потащили...»⁶⁰.

Выслушал суд и показания бывшего следователя по делу об ограблении Университета 3 апреля 1907 г. Круткова и судебного пристава полковника Иванова, которые заявили, что никаких данных о причастности к экспроприации студенческих старост ими обнаружено не было. Как не было и попыток со стороны администрации Университета замять дело. Само преступление, по их мнению, было делом рук уличных грабителей.

В отличие от свидетелей со стороны обвинения, со стороны защиты А.И. Соболевского их оказалось до обидного мало: бывший секретарь Совета по студенческим делам В.И. Моисеев, канцеляристы Птицын и Рахманов, секретарь Совета Историко-филологического факультета проф. С.А. Жебелев. Наиболее ценными для стороны защиты оказались показания В.И. Моисеева.

В комнате, где находился ректор И.И. Боргман, – заявил он, – никаких экспроприаторов не было. Правда, один из них стоял у закрытой двери в коридоре, но поскольку сама дверь была с матовым стеклом, то и видеть, что делается в ней он не мог и, следовательно, у ректора была полная возможность сообщить о случившемся в полицию, но он не сделал этого, – заявил В.И. Моисеев⁶¹. Что касается слухов о причастности к экспроприации студенческих старост, то действительно они имели место и, следовательно, никаких преувеличений в статье А.И. Соболевского нет. Непосредственным поводом для этих слухов стало то, что в то время, как большинство студентов и служащих стояли во время экспроприации с поднятыми вверх руками, некоторые из них все же расхаживали, как ни в чем не бывало, по университетскому коридору. Более того, студенческие старосты, – показывал далее В.И. Моисеев, – в 1905–1907 гг. были настоящими хозяевами в Университете и проиллюстрировал этот тезис следующим случаем: однажды мне, – заявил он, – принесли огромный список (около 400 человек) лиц, которых необходимо было принять в Университет по рекомендации старост безо всяких документов и все они были приняты.

Тут он был прерван проф. В.М. Шимкевичем, заявившим, что Моисеев говорит неправду, так как список этот хотя и был, но это всего лишь были фамилии лиц, только желающих поступить в Университет⁶². Но неправду, на самом деле, как выясняется из воспоминаний 1939 г. бывшего студенческого старосты – большевика (с 1904 г.) И.И. Кореля показывал на суде все же профессор.

«Приемом этого (1906 – Б.В.) года, – вспоминал И.И. Корель, – руководил Совет старост, который составлял список подлежащих приему лиц и давал их в канцелярию Университета для оформления. Руководя приемом, Совет старост зачислил (Вот как! – Б.В.) в студенты Университета целый ряд революционных работников <...> Среди зачисленных в этот период в студенты Университета были такие видные и старые большевики, как П.А. Красиков, Г.В. Циперович <...> и ряд других»⁶³.

И.И. Корель говорит о видных большевиках, зачисленных Советом старост в Университет безо всяких документов, но ведь зачислялись старостами не только видные, но и рядовые, так сказать, «солдаты партии», причем не только большевики, но и представители других революционных партий, а зачастую просто «свои».

Но вернемся к показаниям В.И. Моисеева. Видя, что они произвели большое впечатление на публику, В.М. Шимкевич тут же попытался скомпрометировать его как свидетеля невинным, казалось бы, вопросом: за что он был уволен в 1907 г. из Университета. А когда тот простодушно ответил, что не знает, В.М. Шимкевич заявил, что за подлог, давая тем самым понять, что доверять такому свидетелю суд просто не имеет права. Конечно же, В.М. Шимкевич не «с потолка» взял эту информацию. Слухи о том, что В.И. Моисеев был уволен за прием в Университет одного студента по подложному аттестату, ходили давно. Еще в 1908 г. В.И. Моисеев в связи с этим вынужден был подать в суд на ректора Университета. Дело закончилось примирением сторон, и все обвинения против него со стороны Университета были сняты⁶⁴. В феврале 1909 г. ему пришлось судиться с «Петербургской газетой», повторившей в одной из своих публикаций эту «утку». Решение суда было в пользу В.И. Моисеева⁶⁵, о чем и напомнил суду, защищая репутацию своего свидетеля, присяжный поверенный Б.В. Никольский.

Показания В.И. Моисеева подтвердили бывшие служащие университетской канцелярии Птицын и Рахманов. Во время ограбления кассы Университета, – показывал в частности Птицын, – некоторые старосты действительно, как ни в чем не бывало, расхаживали по коридору. Оживление среди публики вызвало его заявление, что он, якобы сам слышал, как один из студенческих старост Д.В. Кузьмин-Караваев (сын профессора В.Д. Караваева) кричал экспроприаторам: «Скорее кончайте, товарищи! Сейчас явится полиция!»⁶⁶. Заявление это впрочем, было тут же дезавуировано стороной обвинения, так как нашлись другие свидетели тут же показавшие, что на самом деле предупредил товарищей-экспроприаторов об угрожавшей им опасности не староста Кузьмин-Караваев, а один из их шайки.

Выступил в ходе судебного заседания 2 декабря 1909 г. и ректор Санкт-Петербургского Университета проф. И.И. Боргман: «Я, – заявил он, – должен дать объяснения своему кажущемуся бездействию во время экспроприации. Я не бездействовал. Я твердо подошел к телефону, чтобы вызвать полицию, хотя у телефона для этого должен был бы простоять минут десять – такие уж у нас телефоны. А между тем, моя тень проектировалась как раз на то матовое окно, за которым стоял вооруженный грабитель. Если бы я подошел к телефону, я бы уже не имел чести быть здесь сегодня. Но долг повелевал мне подойти. И я уже пошел к телефону, только Платон Михайлович Кривошеин меня остановил, силою схватив за плечи»⁶⁷.

Последними 2 декабря 1909 г. были заслушаны свидетельские показания секретаря Историко-филологического факультета проф. С.А. Жебеле-

ва. Инициатива его вызова в суд исходила от А.И. Соболевского. Однако повел себя на суде С.А. Жебелев совсем не так, как тот на него, видимо, рассчитывал, как на своего бывшего товарища по факультету. Во всяком случае, на вопрос А.И. Соболевского о том, было ли большинство и меньшинство при решении дел университетским Советом, он ответил весьма туманно: «Большинства и меньшинства не было, но каждый высказывал свое мнение»⁶⁸. «Я ничего не знаю о старостах», – наконец, выдал из себя, фактически солидаризируясь, таким образом, с показаниями своих товарищей – профессоров, вызванных в качестве свидетелей стороной обвинения, рассматривавших этот институт, как необходимый элемент университетской жизни.

Что из себя представлял этот «элемент» на самом деле мы узнаем из уже цитировавшихся нами воспоминаний бывшего старосты И.И. Кореля: «...между 25 и 29 сентября (1906 – Б.В.), – пишет он, – состоялись выборы студенческих старост. В новом Совете старост из 35 членов было 20 социал-демократов, благодаря чему в Президиуме Совета из 5 мест – 4 оказались в руках социал-демократов. Одному из членов Президиума исполнительного комитета РСДРП и было доверено осуществление использования Университета для нелегальных собраний» и далее: «ежедневно в среднем в Университете устраивалось по 10–12 нелегальных собраний революционных организаций», – свидетельствует И.И. Корель⁶⁹.

Более чем странными в этой связи воспринимаются сегодня слова ректора Университета И.И. Боргмана из его интервью кадетской газете «Речь» от 23 сентября 1908 г.: «Я повторяю, – заявил он, – что нельзя обойтись без участия злополучных старост, на которых известными кругами возводятся абсолютно неправильные обвинения <...> Два года у нас существовал институт старост и за это время мы не имели никаких инцидентов и конфликтов»⁷⁰.

Собственно это патологическое стремление выборных университетских властей во что бы то ни стало избегать каких-либо «инцидентов» и «конфликтов» с работавшими в Университете под крышей Совета студенческих старост революционными партиями и приводило к тому, что они вынуждены были стараться не замечать порой происходящего и закрывать глаза на фактическое превращение Университета в очаг революционной пропаганды. «Руководящая часть профессоров (ректор И.И. Боргман и его помощники проф. М.Я. Пергамент, И.А. Покровский, Э.Д. Гримм)», свидетельствует уже упоминавшийся нами И.И. Корель, была полностью в курсе того, чем на самом деле занимался Совет студенческих старост. Более того, после переговоров с ним ректор даже распорядился о передаче в ведение Совета всех ключей от университетских аудиторий в вечернее время. Правда, для «большинства остальных профессоров, значительная часть которых были «правые», а среди них даже члены Союза русского народа, факты эти остались неизвестными»⁷¹.

Относился ли к этому «большинству» С.А. Жебелев или нет, мы не знаем. Однако когда представитель обвинения присяжный поверенный

М.Е. Феодосьев прямо спросил его: «Могли бы ли Вы сказать, что университетское начальство из страха перед Советом старост действовало неправильно и несовместимо с достоинством профессоров и воспитателей юношества, покрывая недостатки познаний у старост и поступаая против долга? – С.А. Жебелев дал ответ:

– Не только не могу...

– За недостатком мужества? – перебивает его М.Е. Феодосьев.

– Не мужества, а по совести не могу сказать», – отвечал С.А. Жебелев⁷².

Его допросу суждено было стать последним на судебном заседании 2 декабря.

На следующий день – 3 декабря – начались прения сторон. Первой, согласно процедуре, было предоставлено слово стороне обвинения.

«Я, – заявил в своей речи присяжный поверенный В.А. Маклаков, – не намерен касаться всего содержания статьи А.И. Соболевского. Единственно, что ему вменяется в вину так это содержащиеся в ней утверждения о попытке якобы сделанной его товарищами – профессорами замять вопрос об участии в ограблении Университете 3 апреля 1907 г. студенческих старост». Остановившись далее на полученных в ходе следствия показаниях многочисленных свидетелей со стороны обвинения, В.А. Маклаков сделал вывод в отсутствии каких-либо данных, на основании которых суд мог бы сделать подобное заключение. Это, – заявил он, – подтвердила и наружная полиция, и сыскная и следственная власти. Обязанные по закону искать виновных, они даже не заподозрили старост. Со стороны защиты была, правда, попытка опровергнуть это, были вызваны свидетели Моисеев, Птицын и Рахманов, но и они, – подчеркнул В.А. Маклаков, – ссылались лишь на молву. Судебная оценка молвы известна каждому юристу. Здесь, – заявил далее В.А. Маклаков, – ссылались на громкое имя академика А.И. Соболевского. Но на частное громкое имя и не думал никто посягать. Однако даже самое громкое имя не дает права неуважительно обращаться с чужой честью. «Это, – заявил он в заключении, – не политическое и даже не академическое дело, не большинства и меньшинства, здесь идет вопрос лишь о приличии равно обязательного для всех лагерей»⁷³.

Выступивший вслед за В.А. Маклаковым другой представитель частного обвинения присяжный поверенный М.Е. Феодосьев также счел нужным указать на то, что обвинение, выдвинутое А.И. Соболевским против своих коллег – профессоров есть, скорее всего, результат раздражения и легкомыслия почтенного академика. Но это вовсе, – подчеркнул он вслед за В.А. Маклаковым, – не освобождает его от ответственности за содеянное. Большого интереса у присутствующих речь М.Е. Феодосьева не вызвала, так как все с нетерпением ждали, что теперь скажет защитник А.И. Соболевского Б.В. Никольский. Сумеет ли он найти нужные слова и привести веские аргументы, чтобы достойно противостоять своим опытным и красноречивым противникам?

Начал Б.В. Никольский свою речь с указания на высокое место своего подзащитного в научном сообществе: почетный член Киевской, Казанской и Петербургской духовных академий, Археологического института, Императорской Археологической комиссии, Общества любителей древней письменности, Тверской, Костромской, Смоленской и Вятской архивных комиссий и, наконец, почетный доктор филологии Чешского Университета в Праге. Невероятно, – заявил в этой связи Б.В. Никольский, – чтобы все эти учреждения выбирали в свои сочлены клеветников.

«Наши противники, – сказал далее Б.В. Никольский, – великодушно заявили, что они позволяют нам иметь свои убеждения. Покорнейше благодарим. Но, к сожалению, мы никак не можем ответить им таким же подобным разрешением. Таких убеждений, которые оправдывают насилие, забастовки, грабежи и убийства мы никогда никому не позволяли, не позволяем и не позволим!»⁷⁴ Отметив далее очевидную неполноту свидетельских показаний защиты, Б.В. Никольский подчеркнул, что университетские власти за прошедшие два года успели уволить практически всех, кто мог бы дать сколько-нибудь ценные свидетельские показания по этому делу, вследствие чего защита столкнулась с большими трудностями по их розыску. Напомнив суду свидетельские показания в пользу А.И. Соболевского, Б.В. Никольский обратился затем к изысканиям филологического характера. В инкриминируемой его подзащитному статье, – заявил он, – нет прямого обвинения Совета старост в причастности к экспроприации, а лишь написано, что, дескать, «студенческая молва» указывает на их причастность к этому делу.

«Я тоже не последний юрист, – подчеркнул он, – но и я не придумал бы более ловкой редакции». В этом же духе истолковал Б.В. Никольский и слова А.И. Соболевского в его статье о том, что правление Университета замяло дело, так как у него, дескать, сказано: «Можно сказать с уверенностью, что...» – это, по его мнению, не утверждение, а только предположение, да и само слово «замять что-нибудь» – это значит содействовать, бездействовать. «А как доказать бездействие?» – вопрошал он, разводя руками.

Что касается желания администрации Университета замять расследование этой истории, то оно, – по мнению Б.В. Никольского, – вполне доказывается как отсутствием упоминания о факте экспроприации в университетском отчете за 1907 г., так и публикациями ряда газет того времени: «Русская речь», «Русь», «Новое время», «Виттова пляска», соответствующие номера которых были приобщены к делу по настоянию защиты еще в самом начале процесса.

Конечно же, всего этого было явно недостаточно, чтобы переломить ход процесса в пользу А.И. Соболевского. Б.В. Никольский понимал это. «От нас, – заявил он, – требуют большего, требуют «других доказательств». «Но где их взять? Мы просили их в министерстве. Но там сказали, что у них таких доказательств нет. Мы просили охранное отделение. Но оно грабежом не заинтересовалось, так как считает этот грабеж не политическим, а простым “социал-демократическим”»⁷⁵.

В целом же речь Б.В. Никольского, длившаяся полтора часа, свелась, главным образом, не столько к защите А.И. Соболевского, сколько к обличению той разрухи и той разлагающей нравственной атмосферы, в которой оказался Университет под руководством избранного в 1905 г. ректора И.И. Боргмана. Напомнив присутствующим слова самого И.И. Боргмана из речи сразу же после избрания его ректором о том, что он якобы совсем не умеет быть начальником и поэтому будет всего лишь слугой Совета Университета, Б.В. Никольский подчеркнул, что волею обстоятельств тот быстро превратился не столько в слугу Совета профессоров, сколько в слугу Совета старост, который, собственно, и рулил здесь во время смуты 1905–1907 гг. «В сумятице всеобщего шатания, при зловещем торжестве захватного права рушились один за другим устои университетской жизни; Университет из храма науки превратился в капище торжествующего хулиганства, встал на край гибели».

Что же делало в этих условиях университетское начальство? – вопрошал Б.В. Никольский, и сам отвечал: «Оно провозгласило принцип – не раздражать студентов. Как покорные овечки сгрудились почтенные профессора, пуще огня боясь бойкота, выговоров, замечаний и скандалов со стороны тех, кто захватным правом стал университетских судеб вершителем. А вершители эти были требовательны и беспощадны», – подчеркнул он и рассказал историю, произошедшую в Университете, с известным философом профессором А.И. Введенским, про которого прошел слух, что он, как лицо известное своими консервативными убеждениями, решил заняться политикой и вступил в партию «мирного обновления». «Что тут началось! Как загредел Совет старост. Введенский – мирный обновленец?! У нас, в нашем Университете и вдруг – мирный обновленец?! Да ведь это не только «правее» эсдеков и эсеров, это правее даже буржуазных кадетов! Ведь это же отрицание бомбы, кинжалов, насилия, грабежей. Ведь это – черносотенство. Долой его, вон! И заслуженный профессор, – с горечью констатировал Б.В. Никольский, – под свист и улюлюканье разбушевавшихся студентов был изгнан из аудитории, спасшись от побоев, лишь потому, что его окружила толпа, еще не потерявших человеческий облик слушателей, и в тесном кольце проводила старика до выхода из Университета»⁷⁶.

В таких условиях, – подчеркнул Б.В. Никольский, – экспроприация 3 апреля 1907 г. была, можно сказать, запрограммирована. В конце речи, как водится в таких случаях, Б.В. Никольский еще раз подчеркнул полную невиновность своего подзащитного и выразил уверенность в его полном оправдании.

Речь Б.В. Никольского скорее напоминала «обвинительный акт против кошмара университетской разрухи, чем слово в защиту обвиняемого», – так быть может, не совсем справедливо, отметила в связи с этим «Земщина»⁷⁷. Тем не менее, дело было, как говорится, сделано, и ничего исправить было уже нельзя. В.А. Маклаков, возражая, согласно процедуре, Б.В. Никольскому еще раз подчеркнул, что никаких убедительных доказательств, указывающих как на прикосновенность студенческих ста-

рост к экспроприации, так и на стремление университетских властей замять это дело, о чем говорилось в статье А.И. Соболевского, тот в своей речи так и не представил.

После выступления В.А. Маклакова неожиданно встал бывший декан Историко-филологического факультета Ф.Ф. Зелинский и заявил, что на одном из заседаний Совета профессоров факультета, А.И. Соболевский назвал приват-доцентов Университета «сволочью». Взялся ли бы приват-доцент Б.В. Никольский защищать А.И. Соболевского, если бы вовремя узнал об этом факте, – полюбопытствовал он.

– Я и в этом случае выступил бы защитником высокоуважаемого Алексея Ивановича, – отвечал тот.

Судебное заседание подошло к концу.

«Я не юрист, – заявил в своем последнем слове А.И. Соболевский. – Да если бы я и был им, мало что мог бы добавить к прекрасной речи моего защитника. Я историк и меня интересует, главным образом, общественная сторона крушения, постигшего наши университеты. Перед нами открылся лишь край завесы, скрывающей все то, что творилось в Университете в 1907 г. А там был произвол студенчества и Совета старост: они давали деньги революционерам, кормили их в своей столовой, они держали в своих руках Совет профессоров. Участие студентов в экспроприации для меня несомненно. Своим приговором суд покажет, каким он желает видеть Университет. Хранителем науки или разбойничьим гнездом, каким он был в 1907 г.», – закончил А.И. Соболевский свою речь⁷⁸.

Тем не менее, было очевидно, что дело академик проиграл. Так оно и оказалось. Через час суд огласил приговор: признать обвинения, выдвинутые А.И. Соболевским против Совета старост и Правления Санкт-Петербургского Университета недоказанными и подвергнуть его домашнему аресту на семь суток. Правда, сторона обвинения тут же поспешила заявить, что для нее важна-де только нравственная сторона процесса, и она просит суд освободить академика от наказания. Но тут «в бой» вступила защита А.И. Соболевского: «Мы, – заявил Б.В. Никольский, – отказываемся от великодушия наших противников»⁷⁹. На том и разошлись.

Судебное обвинение в клевете одной из наиболее представительных фигур черносотенного движения, после только что выигранного аналогичного дела по обвинению В.М. Пуришкевича, явилось для «правых» своеобразным ушатом холодной воды, вылитым на их головы⁸⁰.

Отметив неблагоприятное для А.И. Соболевского окончание дела, А. Вакуловский из «Санкт-Петербургских ведомостей» нашел, что почтенные возрастом судьи, вынесшие академику обвинительный приговор, несмотря на «ужасающие свидетельские показания» «помнили Университет старых времен, когда они сами учились, и совсем не знакомы с Университетом наших дней». Они, – писал А. Вакуловский, – еще допускают, что студенты могли ограбить свой Университет, но отрицают «всякую возможность какой бы то ни было причастности кого-нибудь из профессоров к подобной деятельности»⁸¹.

Куда большей эмоциональностью отличалась посвященная окончанию дела А.И. Соболевского статья С.К. Глинки из «Земщины».

«На улице прелюбодеев слова началась широкая масляница. В Думе г. Маклаков заговорил зубы «гучковским молодцам» и добился признания незаконным вполне законного распоряжения министра юстиции. А в окружном суде этот же прелюбодей добился обвинения заведомо невинного человека академика А.И. Соболевского! Это ли не бенефис г. Маклакова!»

Главным виновником случившегося, по мнению С.К. Глинки, явилась неопытность адвоката А.И. Соболевского приват-доцента Б.В. Никольского, которого, дескать, обошли такие опытные крючкотворы, как В.А. Маклаков и его товарищ М.Е. Феодосьев. «Большой оплошностью» Б.В. Никольского стало то, что он принял на себя единолично защиту А.И. Соболевского, не подстраховавшись другим, более опытным, чем он, присяжным поверенным. «Как можно выступать одному против опытного политика, против целого кагала обвинителей, спевшихся до мельчайших подробностей и имеющих во главе такого казуиста, как г. Маклаков, который изловчился заминать щекотливые для него вопросы и размалевывать самые вздорные показания. <...> Невозможно одному человеку следить с постоянным напряжением внимания за постоянными оттенками свидетельских показаний и за всеми передержками адвокатов. <...> Нужно обладать тем даром и опытом, какие проявили в Киеве г. Шмаков и в Петербурге гг. Замысловский и Булацель, чтобы в сложном процессе, где один человек обвиняется целой сплоченной шайкой забастовщиков, использовать с блеском все средства защиты», – отмечал он.

Далее С.К. Глинка перечисляет целый ряд «проколов» Б.В. Никольского. Прежде всего это то, что им были фактически не использованы показания швейцара Университета о том, что он докладывал ректору о появлении в Университете подозрительных лиц за несколько минут до ограбления кассы и тот не принял должных мер. Не были в должной мере использованы стороной защиты, по мнению С.К. Глинки и показания ряда служащих Университета о том, что когда они стояли с поднятыми руками, некоторые студенческие старосты прогуливались по коридору, «положа руки в карман и покуривая папироски». Отмечен им и целый ряд других менее существенных промахов Б.В. Никольского.

В результате, вынужден был констатировать С.К. Глинка, «искусившийся в шулерстве Маклаков перехитрил Никольского, а наш уважаемый академик осужден»⁸².

Понять огорчение С.К. Глинки можно. Можно согласиться с ним и в том, что, как адвокат, В.А. Маклаков был куда более опытнее и красноречивее Б.В. Никольского. Но в целом, подлинная причина случившегося конфуза «правых», конечно же, совсем не в том, что кто-то кого-то перехитрил или плохо подготовился к процессу, а совсем в другом. Несмотря на большую «внутреннюю правду» общего взгляда А.И. Соболевского на роль Совета студенческих старост в инициировании «университетской разрухи» 1905–

1907 г., доказать его в суде при том состоянии умов и соотношении общественных сил, которые наблюдались в России начала века, и той скудости доказательной базы, которой располагала защита было едва ли возможно, даже если бы его взялся защищать самый выдающийся адвокат.

¹ История Ленинградского Университета (1819 – 1969). Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 161–162; Бондаревская Т.П. Большевицкая организация Университета в революции 1905–1907 гг.// Петербургский Университет в революционном движении в России. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1979. С. 67–80; Яковлев В.П. Петербургский Университет в революции 1905–1907 гг.// Вестник ЛГУ 1980, № 2, вып. 2. С. 19–25; Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1908 г. в Санкт-Петербургском Университете// Вестник ЛГУ. 1979, Ист. Язык. Лит. Вып. 2, № 8. С. 29–32; Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский Университет// Вестник ЛГУ. Ист. Язык. Лит. 1983, № 2. Вып. 1. С. 14–19; Борисенко М.В. Студенческое движение в Санкт-Петербургском Университете в 1907–1914 гг. Автореф. Канд. дисс. Л., 1984; Он же. Участие студенчества Санкт-Петербургского Университета в революционном движении в 1907 – феврале 1917 гг. (историография вопроса)// Очерки по истории Ленинградского Университета. Отв. ред. Г.А. Тишкин. Т. 5. Л., 1984. С. 136–151; Леиберов И.П. Революционное студенчество Петроградского Университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914–февраль 1917 гг.)// Очерки по истории Ленинградского Университета. Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Т. 2. Л., 1968. С. 3–40; Ганелин Р.Ш. Петербургский Университет и правительственная политика (из истории студенческого движения)// Очерки по истории Ленинградского Университета. Т. 6. Отв. ред. Г.А. Тишкин. Л., 1989. С. 112–135; Завадский Н.Г. Революционное студенческое движение в Санкт-Петербурге 1907–1914 гг. (Проблема взаимодействия с политическими партиями России) Автореф. канд. дис. СПб., 1991.

² Ограбление университетского казначейства// Русь. 1907, 4 (17) апреля. С. 4; Вооруженный набег на Университет// Санкт-Петербургский листок. 1907, 4 (17) апреля. С. 2; Экспроприация в Санкт-Петербургском Университете// Санкт-петербургские ведомости. 1907, 4 (17) апреля. С. 5.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10140. Л. 1. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета об ограблении университетской кассы, 5 апреля 1907 г.)

⁴ Ограбление Университетского казначейства// Русь. 1907, 4 (17) апреля. С. 4.

⁵ Вооруженный набег на Университет// Санкт-Петербургский листок. 1907, 4(17) апреля. С. 2

⁶ Ограбление университетской кассы// Речь. 1907, 4 (17) апреля. С. 3.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10140. Л. 1–2 об. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета об ограблении университетской кассы, 5 апреля 1907 г.)

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10140. Л. 2. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета об ограблении университетской кассы, 5 апреля 1907 г.)

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Вооруженный набег на Университет// Санкт-Петербургский листок. 1907, 4(17) апреля. С. 2

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10140. Л. 2 об. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета об ограблении университетской кассы, 5 апреля 1907 г.)

¹³ Вакуловский А. Ограбление трех Университетов. Исторический набросок.// Санкт-Петербургские ведомости. 1909, 11 (24) декабря. С. 2.

¹⁴ Ограбление Университетского казначейства// Русь. 1907, 4 (17) апреля. С. 4.

¹⁵ Виттова пляска в Университете// Виттова пляска. Орган партии Ч.Ч.С. (чернее черной сотни) Каморры народной расправы (СПб., 1907. С. 5)

¹⁶ Ограбление Университетского казначейства// Русь. 1907, 4 (17) апреля. С. 4.

¹⁷ Вакуловский А. Ограбление трех Университетов. Исторический набросок.// Санкт-Петербургские ведомости. 1909, 11 (24) декабря. С. 2.

- ¹⁸ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты.// Ленинградский Университет в воспоминаниях современников. Т. 2 (1895–1917 гг.). Под ред. В.А. Ежова. Л., 1982. С. 92.
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8928. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета о переводе ординарного профессора Университета Св. Владимира статского советника Соболевского в Петербургский Университет, 1888 г.). Л. 5.
- ²⁰ Там же. Л. 6 об.
- ²¹ Филологический факультет Санкт-Петербургского Университета. Изд. 2-е. СПб., 2000. С. 8.
- ²² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8928. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета о переводе ординарного профессора Университета Св. Владимира статского советника Соболевского в С.-Петербургский Университет, 1888 г.). Л. 1.
- ²³ Крысько В.Б., Тимофеева М.Л. Список трудов А.И. Соболевского// А.И. Соболевский. Труды по истории русского языка. М., 2004. С. 97–137.
- ²⁴ Булахов М.Г. Восточно-славянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 3. Минск, 1978. С. 200–215
- ²⁵ Шахматов А.А. Записка об ученых трудах члена-корреспондента Академии Наук ординарного профессора Санкт-Петербургского Университета А.И. Соболевского. СПб., 1902.
- ²⁶ Соболевский А.И. Чего желаем мы, русские? Две речи. М., 1907.
- ²⁷ Власть иудеев в Университете// Земщина. 1909 г., 10 ноября. С. 2.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8928. (Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета о переводе ординарного профессора Университета св. Владимира статского советника Соболевского в Петербургский Университет, 1888 г.). Л. 154.
- ²⁹ Речь. 1908, 5 августа. С. 3.
- ³⁰ Прием евреев в Университет// Речь. 1908, 13 (26) августа. С. 3.
- ³¹ История института старост// Голос Москвы. 1908, 13 сентября. С. 2.
- ³² О факультетских старостах// Речь. 1908, 17 (30) сентября. С. 4.
- ³³ Осуществление циркуляра (по телефону из Санкт-Петербурга)// Голос Москвы. 1908, 23 августа. С. 2.
- ³⁴ В учебных заведениях. Представление Совета профессоров Санкт-Петербургского Университета министру народного просвещения// Речь. 1908, 12 (25) сентября. С. 4.
- ³⁵ Смирнова С. Непогрешимые// Новое время. 1909, 12 (24) декабря. С. 5.
- ³⁶ В Университете// Речь. 1908, 4 (17) сентября. С.2.
- ³⁷ В Университете (по телефону из Санкт-Петербурга)// Голос Москвы. 1908, 7 сентября. С. 3.
- ³⁸ Беседа с профессором Ф.А. Брауном// Речь. 1908, 7 (20) сентября. С. 2.
- ³⁹ Авсеенко В. У закрытых дверей// Петербургская газета. 1908, 24 сентября. С. 1.
- ⁴⁰ Приостановление занятий в Санкт-Петербургском Университете// Речь. 1908, 21 сентября (4 октября). С. 3.
- ⁴¹ Князь Евгений Трубецкой. Университетская политика министерства народного просвещения// Голос Москвы. 1908, 11 сентября. С. 11.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Академический вопрос// Новая Русь. 1908, 24 сентября. С. 2.
- ⁴⁴ Академик А.И. Соболевский. О наших университетских делах// Санкт-Петербургские ведомости. 1908, 18 сентября. С. 1.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Приостановление занятий в Санкт-Петербургском Университете// Речь. 1908, 21 сентября. С. 3.
- ⁴⁷ Акад. А.И. Соболевский. Еще об университетских делах// Санкт-Петербургские ведомости. 1908, 27 сентября (10 октября). С. 1.
- ⁴⁸ Яблоновский Александр. Академик Пинкертон// Речь. 1908, 21 сентября (4 октября). С. 3.
- ⁴⁹ Акад. А.И. Соболевский. Два слова о студенческих организациях// Санкт-Петербургские ведомости. 1908, 24 сентября (7 октября). С. 1.
- ⁵⁰ Акад. А.И. Соболевский. Женский Университет// Санкт-Петербургские ведомости. 1908, 24 октября (6 ноября). С. 1–2.
- ⁵¹ Дело академика А.И. Соболевского// Новое время. 1909, 3 (16) декабря. С. 3.
- ⁵² К. Бецкий. Обвинение В.М. Пуришкевича в клевете// Речь. 1909, 30 ноября (13 декабря). С. 5.
- ⁵³ Дело об одесских профессорах// Колокол. 1909, 24 февраля. С. 4.

- ⁵⁴ Приговор по делу одесских профессоров// Колокол. 1909, 1 марта. С. 2.
- ⁵⁵ Дело о клевете академика Соболевского. Из залы суда// Петербургская газета. 1909, 3 декабря. С. 7.
- ⁵⁶ Бецкий К. Дело по обвинению академика Соболевского в клевете// Речь. 1909, 3 (16) декабря. С. 4.
- ⁵⁷ Там же. С. 4.
- ⁵⁸ Дело о клевете академика Соболевского. Из залы суда// Санкт-Петербургская газета. 1909, 3 декабря. С. 7.
- ⁵⁹ Бецкий К. Дело по обвинению академика Соболевского в клевете// Речь. 1909, 3 (16) декабря. С. 4.
- ⁶⁰ Еще вскрытый гнойник. (Дело по обвинению академика Соболевского в клевете)// Земщина. 1909, 3 (16) декабря. С. 7.
- ⁶¹ Дело академика Соболевского// Новое время. 1909, 3 (16) декабря. С. 3.
- ⁶² Бецкий К. Дело по обвинению академика Соболевского в клевете// Речь. 1909, 3 (16) декабря. С. 4.
- ⁶³ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты. // Ленинградский Университет в воспоминаниях современников. Т. 2 (1895–1917 гг.). Под ред. В.А. Ежова. Л., 1982. С. 92.
- ⁶⁴ Дело против ректора Санкт-Петербургского Университета// Санкт-Петербургская газета. 1908, 21 сентября. С. 4.
- ⁶⁵ Клевета «Петербургской газеты»// Колокол. 1909, 12 февраля. С. 4.
- ⁶⁶ Академик Соболевский приговорен к семи дням ареста// Санкт-Петербургская газета. 1909, 4 декабря. С. 2.
- ⁶⁷ Еще вскрытый гнойник (Дело по обвинению академика Соболевского в клевете)// Земщина. 1909, 3 декабря. С. 2.
- ⁶⁸ Дело академика Соболевского// Новое время. 1909, 3 (16) декабря. С. 3.
- ⁶⁹ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты. // Ленинградский Университет в воспоминаниях современников. Т. 2 (1895–1917 гг.). Под ред. В.А. Ежова. Л., 1982. С. 92.
- ⁷⁰ Об университетском кризисе// Речь. 1908, 23 сентября (6 октября). С. 3.
- ⁷¹ Корель И.И. Воспоминания студенческого старосты. // Ленинградский Университет в воспоминаниях современников. Т. 2 (1895–1917 гг.). Под ред. В.А. Ежова. Л., 1982. С. 92.
- ⁷² Дело о клевете академика Соболевского. Из залы суда// Санкт-Петербургская газета. 1909, 3 декабря. С. 7.
- ⁷³ Бецкий К. Обвинение академика Соболевского в клевете// Речь. 1909, 4 (17) декабря. С. 3.
- ⁷⁴ Гнойник залеплен. (Дело по обвинению академика А.И. Соболевского в клевете)// Земщина. 1909, 4 (17) декабря. С. 1.
- ⁷⁵ Бецкий К. Обвинение академика Соболевского в клевете// Речь. 1909, 4 (17) декабря. С. 3.
- ⁷⁶ Гнойник залеплен. (Дело по обвинению академика А.И. Соболевского в клевете)// Земщина. 1909, 4 (17) декабря. С. 1.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Академик Соболевский приговорен к семи дням ареста// Санкт-Петербургская газета. 1909, 4 декабря. С. 2.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Смирнова С. Непогрешимые// Новое время. 1909, 12 декабря. С. 5; Как искали правды в суде// Колокол. 1909, 10 декабря. С. 1; С. Глинка. Бенефис г. Маклакова// Земщина. 1909, 5 декабря. С. 2; Дионисий-провокактор. Апология Сократа// Прямой путь. Журнал политический и литературный. 1909, 24 декабря. С. 1–4; А. Вакуловский. Ограбление трех университетов// Санкт-Петербургские ведомости. 1909, 11 (24) декабря. С. 1.
- ⁸¹ Вакуловский А. История ограбления трех университетов (исторический набросок)// Санкт-Петербургские ведомости. 1909, 11 (24) декабря. С. 1.
- ⁸² С. Глинка. Бенефис г. Маклакова// Земщина. 1909, 5 декабря. С. 2.